

П.М. Кожин
ИДВ РАН

Человек как мера вещей в трактате «Каогунцзи»

С началом орудийной деятельности людей, т.е. с момента, когда человек сознательно начинает использовать для добычи пищи, сооружения убежищ, хранения запасов, защиты мест обитания какие-то пригодные для этих целей естественные или специально подготовленные предметы, его мыслительная деятельность и жизненная практика оказываются направлены в том числе на совершенствование этих ставших уже необходимыми орудий и рационализацию их использования, на подбор и изобретение новых орудий, облегчающих труд и уменьшающих затраты энергии, времени и материалов для получения желаемого результата.

Использование орудий ведет к их конструктивному усовершенствованию. Сужается функциональное поле отдельных инструментов, появляются серии однотипных орудий для первичной, грубой и, наконец, тонкой обработки обрабатываемого материала, который также начинают специально подготавливать для последующей обработки. Если отвлечься от небольшого набора инструментов, необходимых для аграрных и скотоводческих работ (см. [1; 2, с. 80–107]), то инструментарий, применяемый для обработки камня, кожи, растительных и шерстяных волокон (пряжа, тканьё, плетение), дерева разных пород, наконец, глины и металла развивался и совершенствовался быстро и разнообразно. В нем появлялись комплексные приспособления, целые агрегаты – такие, как ткацкий, токарный станок, гончарный круг, печи для обогрева, термической обработки пищи, специальные сооружения для обжига глины, различных операций с металлом.

Появление устойчивых наименований для рабочих инструментов уже само по себе указывает на внимание коллектива, мастеров ко всем тонкостям выполняемой работы. Особое значение придавалось качеству инструментария и эффективности исполняемых с его помощью трудовых операций. Конечно, большая часть опыта передавалась прямым конкретным научением. Но по мере роста коллективов, появления общинных, а затем

© Кожин П.М., 2007

государственных производственных организаций возникла потребность в письменном обобщении трудовых операций, оценок целей труда, его качества и оптимальных способов работы.

Так, в Древнем Китае (очевидно, в эпоху Чуньцю) возникает, наверное первый в мире, справочник, описывающий технологии основных массовых ремесленных профессий, имеющих общегосударственное значение. Это не истории техники, которыми изобилует европейская литература начиная с XVII в., этапным трудом для которой стала французская энциклопедия, за чем последовала лавина практических пособий, технических, технологических и ремесленных руководств. Древнекитайское пособие «Каогунцзи» («Записки об оценке работ»; см. [3; 4]) есть именно практическое руководство по выполнению отдельных видов ремесленных работ, объединенных в рамках государственного хозяйства Древнего Китая. Знак «цзи» (записки) указывает на то, что это пособие может дополняться и расширяться, что это не строгие правила, требующие неукоснительного соблюдения, где буквально каждый знак является инструктивным предписанием, а рабочая книга, в которую высококлассные специалисты могут вносить свой опыт. При последовательном прочтении (без учета комментариев) текста ясно, что справочник пополнялся еще и в ханьскую эпоху, а уже затем стал обрастать комментариями книжников. Обратившись, например, к разделам о производстве колесниц (наиболее информативны главы 40 и 44), можно заметить, что основное описание конструирования их кузовов было сделано тогда, когда началось массовое производство колесниц – таких, какие были найдены археологами в Шанцуньине, что раздел о бычьих повозках («дачэ») дополнен в ханьское время, ибо ранее «Дачэ» (в «Луньюе») обозначало совсем другой вид повозки. Описание зонта над кузовом появляется, очевидно, в циньскую эпоху, в то же время не описана конструкция передка кузова, разработанная в позднем Чжаньго, и т.д.

За время своего существования справочник многократно переписывался. Включение его в текст классического памятника «Чжоули» («Чжоуский ритуал») превратило «Каогунцзи» в канонический текст, как бы исключив его из прямой ремесленной практики, хотя исследование С.В. Дмитриева (см. [5, с. 12–14]) показало, что строительство столицы ханьской империи не обошлось без влияния этого уже канонического текста. Можно подозревать, что это влияние проявилось и при построении японской столицы Хэйяна (VII в.), когда многие особенности китайской государственной культуры активно воспринимались японской правящей элитой.

Не разбирая здесь все виды описанных в «Каогунцзи» производств, способы их структурирования в государственном городском хозяйстве, мне хотелось бы обратить внимание лишь на один центральный, связанный с этим памятником момент. Все разделы его подчинены одной общей цели – обеспечить определенные формы комфорта и благополучия для людей, которым предназначались изготовленные ремесленниками изделия. Эта цель реализуется в очень многоступенчатой форме, и буквально с первых же практических указаний в тексте появляется «мера человека». Рост человека определяется в 8 чи (вопрос о значении этой

меры довольно подробно исследовался как в китайской, так и в японской литературе, потому разбирать его здесь было бы неуместно; важно то, что от этой общей меры, роста среднего человека, шли все технические построения и расчеты, связанные с производством всех видов изделий, обеспечивающих бытовую, хозяйственную, общественную и военную деятельность населения). От этой меры, меры человека, производились все расчеты, связанные и с самим процессом производства, причем, как можно видеть из текстов, во внимание принималась не только линейная мера, но и целый ряд антропометрических параметров, от которых зависели надежность, эффективность, полезность, прочность, долговечность, удобство тех или иных изделий и сооружений. Характерно, что в сферу действия этих правил входит не только потребитель производимой продукции, но и ее исполнитель. Тем же мерам подчиняется и используемый ремесленниками инструментарий. Если руководствоваться тем пониманием термина «у» (вещь), которое разработал еще Лао-цзы, то вещью является любое произведение человеческих рук, т.е. вся рукотворная человеческая культура, и как показывает наш памятник, мерой этой культуры оказывается сам человек!

Литература

1. *Кожин П.М.* Показатели кочевого быта культур Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // *Степь и Кавказ (культурные традиции)*. Труды Государственного исторического музея, вып. 97. М., 1997.
2. *Кожин П.М.* Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // *Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии*. М., 1987.
3. Каогунци ту (Записки о розысканиях в ремесленном производстве). Гуанчжоу, 1829.
4. *Biot E.* Le Tcheou-li, ou Rites de Tcheou. P., 1851. Т. 2, р. 456–601 (Khao-Kong-Ki).
5. *Дмитриев С.В.* Древнекитайский город в период Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). АКД, М., 2006.